

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

Н. Ю. Кашпар

КОЛЛЕКЦИЯ П. В. ОЗЕРОВА ПО ЭТНОГРАФИИ ЧУВАШЕЙ В РОССИЙСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

АННОТАЦИЯ. Цель статьи — возвращение в научный оборот незаслуженно забытой коллекции по этнографии чувашей, приобретенной в 1934 г. сотрудником Музея народов СССР Прокофием Васильевичем Озеровым во время экспедиции в Чувашскую АССР. Коллекция была собрана среди чувашей двух этнографических групп — низовой в д. Яманово Канашского района и средненизовой в д. Тюнзыры Цивильского района, два предмета были приобретены в г. Чебоксары. В состав коллекции вошли мужские, женские и детские костюмы, женские полотенчатые головные уборы и узорные вставки для них, предметы интерьера, утварь, приспособления для прядения и перемотки ниток, инструменты для валяльного промысла и другие экспонаты конца XIX — первой трети XX в. В 1948 г. после расформирования Музея народов СССР коллекция П. В. Озерова в составе значительной части собрания музея была передана в Государственный музей этнографии (в настоящее время Российский этнографический музей). В 2018 г. автором была проведена работа по выявлению и атрибуции предметов коллекции. В настоящее время опознаны 83 из 91 предмета, для большинства из них установлены места бытования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: П. В. Озеров, Музей народов СССР, Российский этнографический музей, чуваша, чувашский костюм

УДК 069.5:391(=512.111)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-1(7)-143-151

КАШПАР НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА — научный сотрудник отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья, Российский этнографический музей (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: nkashpar@yandex.ru

Российский этнографический музей¹ обладает одним из крупнейших собраний по этнографии чувашей (около 5 тыс. предметов). Помимо коллекций, собранных силами сотрудников и корреспондентов, музей хранит значительную часть (88 621 ед. хр.) (Ипполитова 2001: 156) собрания московского Музея народов СССР (МН СССР), расформированного в 1948 г. В его составе в ГМЭ поступило более 800 чувашских предметов. К сожалению, работа с коллекциями МН СССР затруднена скудностью, а иногда и полным отсутствием сведений о предметах. Кроме того, при регистрации в ГМЭ был изменен порядок, сложившийся в МН СССР. В соответствии с организацией хранения, принятой в музее, все переданные предметы были разделены на четыре коллекции². Внутри этих коллекций предметы были сгруппированы по народам, этнографическим темам, типам. Таким образом, экспонаты, поступившие в МН СССР в одно время и из одного источника, в том числе костюмные комплексы, в ГМЭ оказались разрозненными. Такая же участь постигла и коллекцию Прокофия Васильевича Озерова. В коллекционных описях РЭМ указано лишь, что некоторые предметы МН СССР по этнографии чувашей поступили из «экспедиции т. Озерова в Чувашскую АССР в 1934 г.» (РЭМ. Описание кол. № 8761, 8762). Сведений о месте бытования предметов в музейной документации нет.

О самом собирателе известно также немного. Прокофий Васильевич Озеров — автор ряда статей, посвященных организации краеведческого движения и истории крестьянских восстаний в Поволжье. С 13 ноября 1933 г. по 16 декабря 1935 г. П. В. Озеров был старшим научным сотрудником сектора Поволжья МН СССР, уволен по постановлению «треугольника» музея. До 15 июля 1935 г. он совмещал работу в музее с работой в Центральном бюро краеведения (Москва) (АРЭМ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 2). Более подробных сведений в архиве РЭМ нет, так как личное дело П. В. Озерова было уничтожено в 1941 г. вместе с делами других сотрудников, выбывших из МН СССР с 1924 по 1940 г. (АРЭМ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1).

За недолгий срок работы в МН СССР П. В. Озеров успел совершить экспедицию в Поволжье (Ипполитова 2001: 153), в частности в Чувашскую АССР. Для исследователя это была не первая поездка в регион. Знакомство с краеведческим движением Поволжья конца 1920-х — начала 1930-х годов (Озеров 1931), безусловно, помогло П. В. Озерову в сборе этнографических материалов.

Материалы экспедиции после закрытия МН СССР оказались в разных учреждениях. Негативы, выполненные П. В. Озеровым, хранятся в МАЭ РАН (коллекция МАЭ И-1816) (Лаврентьева, Салмин 2008: 133–134), а собранные им вещевые коллекции — в РЭМ. Также в архиве РЭМ среди документов МН СССР есть опись предметов, приобретенных экспедицией П. В. Озерова в Чувашской АССР (АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 41), благодаря которой удалось выявить и атрибутировать экспонаты из его коллекции и частично восстановить маршрут экспедиции.

Опись оформлена в виде таблицы на шести листах и содержит порядковые номера предметов, краткие описания, информацию о месте, источнике и времени приобретения, принадлежности к комплексу. В некоторых случаях приведены названия на чувашском языке, приблизительная датировка. В графе «примечания» другим почерком приписаны номера предметов по книге поступления МН СССР (№ КП 42118–42188). Эти номера и позволили соотнести предметы из списка с экспонатами РЭМ, так как на последних полностью или частично сохранилась маркировка МН СССР (номера по книге поступлений, коллекционные и инвентарные).

Работу по выявлению и сопоставлению экспонатов существенно облегчило то, что номера МН СССР при регистрации были занесены в коллекционные описи РЭМ. Благодаря этому не было необходимости просматривать в поисках нужных номеров все предметы, подходящие по описанию. Помимо номеров по книге поступлений, на предметах были обнаружены номера «П. О.» (по

¹ Основан в 1902 г. как Этнографический отдел Русского музея императора Александра III, в 1934 г. выделен в самостоятельный Государственный музей этнографии (ГМЭ), с 1948 г. — Государственный музей этнографии народов СССР, с 1991 г. — Российский этнографический музей (РЭМ).

² РЭМ, кол. № 8761 (изделия из дерева, металла, глины), 8762 (изделия из ткани, кожи, войлока), 8763 (предметы из драгоценных металлов и камней) и 8764 (фотографии и иллюстративные материалы).

полевой описи), соответствующие порядковым номерам описи П. В. Озерова. На некоторых вещах номера трудночитаемы либо сохранились фрагментарно, но во всех случаях совокупность фрагментов надписей, информации из полевой описи и коллекционных описей РЭМ позволяет с уверенностью атрибутировать экспонаты.

В описи П. В. Озерова 61 пункт, но экспонатов значительно больше, так как под некоторыми номерами записано по несколько предметов (например, «рубаша женская 3 шт.», «14 предметов — принадлежностей для кустарного валяльного промысла»). Всего П. В. Озеровым было приобретено около 91 номера (179 ед. хр.). Из них в собрании РЭМ было выявлено 83 номера (169 ед. хр.). О принадлежности к коллекции П. В. Озерова 25 предметов ранее известно не было. Для всех предметов коллекции удалось установить место приобретения, которое, за исключением двух случаев, является и местом бытования.

Во время экспедиции П. В. Озеров работал среди чувашей двух этнографических групп — низовой и средненизовой. В зоне расселения низовых чувашей основное внимание собирателя было сосредоточено на деревне Яманово Канашского района, кроме того, были сделаны фотоснимки в соседнем селе Тобурданово (МАЭ, № И-1816-53). В зоне расселения средненизовых чувашей была обследована деревня Тюнзыры Цивильского района. Также П. В. Озеров посетил г. Чебоксары.

Прежде чем перейти к описанию коллекции, необходимо отметить одну особенность описи собирателя. Некоторые предметы описи объединены в комплексы. Это три костюма (женский «старинный», девочки 13 лет, ребенка 3 лет), составные головные уборы и пр. При этом в некоторых из них не достает каких-либо частей до полного комплекса. Из разрозненных же вещей, наоборот, складываются почти полные костюмные комплексы, ими также можно дополнить недостающие части комплексов, выделенных П. В. Озеровым. Таким образом, получается, что П. В. Озеров приобрел семь костюмов (женский начала XX в., женский 1930-х годов, мужской, два детских низовых чувашей, женский и мужской средненизовых), в каждом из которых не хватает некоторых деталей. В комплексы же он объединял предметы костюма, приобретенные у одного человека.

В деревне Яманово Канашского района П. В. Озеровым были приобретены 53 номера (71 ед. хр.). В основном это предметы одежды: пять костюмов, женские полотняные головные уборы, узорные концы к ним, а также мебель и утварь.

Женский костюм д. Яманово в коллекции П. В. Озерова представлен двумя вариантами: «старинным» (рис. 1, 2) и «современным». В основе «старинного» костюма рубаша с двумя оборками. Покрой рубахи туникообразный, с одним центральным полотнищем и боковыми, состоящими из двух симметричных деталей. Такой покрой был типичен для женских рубах этого района с конца XIX в. до 1960-х годов. Рубаша сшита из хлопчато-бумажной пестряди красного цвета в черную и белую клетку, ластовицы и оборки — из ситца с рисунком. Грудной разрез дугообразно обшит несколькими рядами полос из разноцветных фабричных тканей. В д. Яманово такой вариант декора мог возникнуть под влиянием живущих в соседних деревнях молькеевских крышен, рубахи которых украшались подобным образом (Сулова 1993: 67). Головой убор состоит из двух частей: полотенца *сурпан* и фиксирующей его повязки. Наиболее значительный интерес представляет *сурпан*. В его декоре выборное ткачество сочетается с более ранней вышивкой счетной гладью. Также в состав костюма входят пестрядинные штаны с холщовой вставкой между штанинами. Костюм дополняет мешочек, сшитый из вставки для концов *сурпана*, выполненной в технике выборного ткачества. Передник в состав костюма П. В. Озеровым включен не был. Возможно, это было продиктовано тем, что к началу XX в. в некоторых районах передник еще не стал обязательным элементом костюма. Тем не менее в коллекции П. В. Озерова есть передник из д. Яманово, которым можно дополнить костюм. По времени изготовления он более поздний, чем рубаша и *сурпан*, но на двух фотографиях П. В. Озерова на одной из пожилых женщин этот передник одет как раз с подобным костюмом (МАЭ, № И-1816-31, 50). Приобретенный Озеровым передник — без грудки, сшит из отбеленного холста. Интересно украшение подола передника

разрезанными вдоль вышитыми вставками для концов *сурпана*, что, вероятно, и привлекло внимание собирателя. Также в состав женского костюма должны входить чулки и обувь. В этом районе бытовали два варианта чулок — вязаные и сшитые суконные. П. В. Озеровым были приобретены белые шерстяные чулки без пяток, связанные на спицах. Они могли быть надеты женщиной любого возраста вместе с лаптями, также имеющимися в коллекции. Основные детали костюма (рубаху, головной убор и, возможно, штаны) можно датировать началом XX в. В 1934 г. костюм этого типа продолжали носить пожилые женщины, в нескольких вариантах он запечатлен П.В. Озеровым на фотографиях (МАЭ, № И-1816-31, 48, 49, 50).

Для «современного» женского костюма П. В. Озеровым были приобретены основные части. Рубаха конца 1920-х — начала 1930-х годов по покрою не отличается от описанной выше более ранней рубахи. Тем не менее в ней есть ряд особенностей. В первую очередь бросается в глаза отсутствие обшивки грудного разреза разноцветными полосками ткани. Таким образом, в 1930-е годы рубахи с подобным декором в д. Яманово уже не шили, а только донашивали. Также привлекает внимание материал, из которого сшита рубаха. Большинство рубах как более раннего, так и более позднего периода изготавливалось из пестряди. Рубаха, приобретенная П. В. Озеровым, выполнена из более сложной по технике изготовления ткани. Внешне ткань напоминает клетчатую пестрядь, но поперечные полосы состоят из групп небольших прямоугольников, вытканых в браной технике. В середине XX в. рубахи из подобной ткани у низовых чувашей были распространены как праздничные и, по мнению информантов, в довоенный период не изготавливались (АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 262). Рубаха из коллекции П. В. Озерова позволяет датировать появление в этом районе такого вида ткани периодом не позже конца 1920-х годов. Также в коллекции есть женские штаны, по покрою не отличающиеся от описанных выше, но сшитые из отбеленного холста. В комплексе с рубахой можно использовать упомянутые выше чулки, лапти, а также передник. Более распространённые в этот период передники из цветной фабричной ткани либо белой, украшенной «брокеровской» вышивкой, в коллекцию не попали. Головной убор к костюму 1930-х гг., судя по фотографиям, выполненным Озеровым, должен состоять либо из головного полотенца *сурпан* с тканым декором концов и фабричного платка, заменившего в этот период пестрядинную головную повязку, либо только из платка. Но ни один платок собирателем приобретён не был. Также в состав коллекции не вошли украшения. Женский костюм, как видно на фотографиях собирателя, в 1930-е годы дополняли ниткой бус, иногда с монетами. В этот же период в некоторых семьях еще сохранялся женский головной убор *хушту*, расшитый серебряными монетами, и полный набор шейно-нагрудных украшений.

Мужской костюм также складывается из разрозненных предметов и состоит из рубахи, синих в белую полоску пестрядинных штанов на поясе, кожаной на меховой подкладке шапки, суконных онучей и лаптей. Мужскую рубаху в фондах РЭМ автору обнаружить не удалось. По описанию П. В. Озерова, она сшита из «домотканого цветного холста», но, вероятнее всего, рубашка была изготовлена из пестряди, преобладавшей в этом районе. Это предположение подкрепляется тем, что в описи П. В. Озерова красная пестрядинная рубаха обозначена как кумачовая. Также не удалось идентифицировать онучи. В коллекциях, переданных из МН СССР, есть чувашские онучи, которые могли быть приобретены в д. Яманово, но старые номера на них не сохранились.

Костюм девочки 13 лет состоит из рубахи, передника и чулок. Особый интерес представляет рубаха из конопляной пестряди в клетку. Рубаха сшита на кокетке, что сближает ее с женскими рубахами, распространенными в Ибресинском районе и на сопредельных с ним территориях (Гаген-Торн 1929: 185; АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 262). То, что для д. Яманово это не единичный случай, подтверждают одна из фотографий П. В. Озерова (МАЭ, № И-1816-41), на которой в подобной рубахе запечатлена женщина, а также фотография 1940-х годов, на которой в рубаху на кокетке (вероятно, перешитую из рубахи девочки) одет мальчик³ (Семейный архив В. И. Миттова).

³ Возможность ознакомиться с фотографией любезно предоставлена Г. Н. Ивановым-Орковым.

Таким образом, рубахи подобного покроя проникали и в Канашский район, но массовым явлением не стали. Передник девочки — без грудки, с широкой оборкой по подолу и карманом, изготовлен из темно-коричневого сатина. Судя по характеру и расположению швов, передник был перешит из старой одежды, вероятно, передника большего размера. Очевидно, передник сшит ребенком. Чулки в полосу красного и коричневого цвета, с пяткой, связаны на спицах. Обувь и головной платок в коллекции отсутствуют.

Костюм ребёнка трех лет включает рубаху, штаны, чулки и лапти на деревянных подметках. Судя по длине и расцветке рубахи, это костюм мальчика. Как и мужские рубахи низовых чувашей, она сшита из синей пестряди в белую полосу. Покрой рубахи традиционный туникообразный, с грудным разрезом по центру, планкой и воротником-стойкой. При этом появляются и новые черты кроя — рукава вшиты в округлые проймы. Рукава же женских пестрядинных рубах и, вероятно, части мужских, продолжают в этот период кроить с ластовицами. Штаны также сшиты из пестряди в полосу. Они состоят из двух не сшитых между собой штанин, закрепленных на поясе. Детские штаны такого покроя были распространены среди разных этнографических групп чувашей, их носили как маленькие мальчики, так и девочки (Воробьев и др. 1956: 281). Чулки без пятки, сшиты из серого сукна. Детские костюмы изготовлены во второй половине 1920-х годов.

Непременным элементом как взрослых, так и детских чувашских костюмов были пояса. В 1930-е годы женщины зачастую подпоясывали рубаху завязками передника, однако на некоторых фотографиях П. В. Озерова пояса в женском костюме все же присутствуют. Тем не менее для музея они приобретены не были.

Особое внимание П. В. Озеров уделил одному из наиболее ярких явлений в декоративно-прикладном искусстве низовых чувашей — полотенчатому головному убору. Собранная им коллекция достаточно полно отражает его эволюцию на протяжении конца XIX в. — 1930-х годов, а также дает представление о разнообразии вариантов декора. Головной убор замужней женщины состоял из нескольких частей. В основе его было полотенце *сурпан*, сшитое из отбеленного полотна с красными кромкам. Оба конца полотенца украшали одинаковым набором из орнаментированной вставки, кумача и кружева либо бахромы. Наиболее ранние предметы в коллекции головных уборов — вставки для концов *сурпана* в виде узкой полосы холста с красными кромками, украшенного вышивкой шелковыми, хлопчатобумажными и шерстяными нитками в технике *наклава* (разновидность двусторонней счетной глади) (Яковлева 1975: 171). Орнамент вышивки геометрический (различные варианты ромба), в виде бордюра, состоящего из трех-пяти фигур. Одна из этих вставок вшита между двумя одинаковыми кусками красной домоткани, украшенной группами тонких разноцветных полосок (рис. 3). Вероятно, раньше вышитые вставки вшивали между полосами кумача, конец украшали кружевом. *Сурпаны* такого типа в XIX в. бытовали у чувашей низовой (Николаев и др. 2002: 142), средненизовой и ряда этнотерриториальных (РЭМ, кол. № 176, 7077) групп. Постепенный переход к тканому декору происходил в д. Яманово приблизительно в конце XIX в. К 1930-м годам *сурпаны* с вышитыми вставками были почти полностью вытеснены. Сохранившиеся вышивки в этот период использовали для изготовления мешочков, украшения одежды.

В коллекции имеется *сурпан*, занимающий промежуточное положение между *сурпанами*, концы которых украшались вышивкой, и *сурпанами*, декорированными узорным ткачеством. Структура его концов такая же, как у *сурпанов* с тканым декором. Они состоят из узорной вставки, полосы кумача и кружева, но в узорной вставке только крайние узкие полосы орнамента выполнены в выборной технике ткачества, а между ними вшит холст с вышитым орнаментом.

Следующий этап в развитии головного убора — *сурпан*, декорированный в технике узорного ткачества, представлен в коллекции одним экземпляром. Его дополняют различные варианты тканых вставок: выполненные в браной технике ткачества красными нитками по белому либо розовому фону, в технике выборного ткачества разноцветными нитками по красному фону, сочетающие обе техники ткачества. Как правило, тканые вставки украшали 3, 5 или 7 полосами

орнамента. Среди них выделяется вставка только с одной полосой браного орнамента, выше и ниже которой вытканы полосы темно-красного цвета (рис. 4). Она перекликается с описанной выше вышитой вставкой в окружении красной домоткани в мелкую полоску.

Также П. В. Озеровым был приобретен упрощенный вариант *сурпана*, состоящий из двух частей: длинной лопасти, имитирующей спускающиеся на спину концы *сурпана*, и кольца, сшитого из центральной части *сурпана*, которым закрывали голову и шею.

Второй частью женского головного убора была повязка в форме полотенца, фиксирующая на голове *сурпан*. В д. Яманово по данным П. В. Озерова эта повязка носила название *чалма* и представляла собой полотенце из красной пестряди в тонкую белую клетку, концы которого были украшены рядами геометрического орнамента, выполненного в выборной технике ткачества. Ниже пришивали полосу кумача и вязаное крючком кружево. В целом концы повязки украшали аналогично концам *сурпана*, но несколько проще. В коллекции имеются две полные повязки и одна без кружева. Способ ношения этого головного убора зафиксирован П. В. Озеровым на ряде фотографий. Центральной частью повязки закрывали голову поверх *сурпана*, концы завязывали на затылке и спускали на спину один рядом с другим. По времени бытования приобретенные П. В. Озеровым повязки синхронны *сурпанам* с тканым декором концов. Более ранние образцы собирателем найдены не были. В 1930-е годы головная повязка уже выходила из употребления, заменяясь платком.

Помимо одежды, в д. Яманово были приобретены покрывало на посуду, предметы утвари (долбленая кадка для зерна, воронка для пива, солонка в виде ящичка, деревянный безмен), мебель (деревянные стол и диван в виде короткой скамьи с решетчатой спинкой), серп. Также в коллекции была икона, но в ГМЭ она, вероятно, передана не была.

Из д. Тюнзыры Цивильского района поступило 36 номеров (48 ед. хр.). Среди них преобладают различные инструменты, также в состав коллекции вошла женская и мужская одежда.

Женская одежда представлена предметами начала XX в., составляющими почти полный костюм, и рубахой 1920–1930-х годов. Костюм состоит из рубахи, головного убора и ожерелья. Рубаха типичного для средненизовых чувашей туникообразного покроя, с центральным полотнищем, расширяющимся книзу, боковыми полотнищами и двумя клиньями на подоле сзади. Рукава в районе запястья собраны в складки и перехвачены полоской кумача. Рубаха сшита из белого хлопчатобумажного холста и декорирована нашивками из полос кумача, различного вида тесьмы, вышивкой в техниках роспись, косая стежка и другими швами. На спине нашивки располагаются в виде угла, на груди — в виде двух ромбов, нижняя часть которых образована полоской кумача, а верхняя — треугольником из кумача. Полосами кумача закрыты швы, соединяющие центральное полотнище с боковыми, причем спереди нашивки располагаются только на уровне груди. Также кумачом отделаны все кромки рубахи. На плечах вышиты овальные медальоны *хултӑрмач* небольшого размера, с мелким дробным орнаментом. Рубахи такого типа в будни могли носить без передника, хотя отсутствие полос кумача на швах подола спереди подразумевает ношение ее с передником, отсутствующим в коллекции.

Головной убор приобретен собирателем в двух вариантах. В основе обоих — головное полотенце *сурпан*. Концы *сурпана* декорированы узкой полосой браного орнамента, кумачом, тесьмой и фабричным кружевом, орнамент на концах разный. Длинные стороны *сурпана* украшены узкими ткаными полосками, вышивкой зигзагом и обшиты кумачом. *Сурпан* в этом районе носили либо с деталью головного убора *масмак*, либо поверх него повязывали треугольную косынку *чалма*. *Масмак* из коллекции сшит из белой фабричной ткани (длина 30 см, ширина 3 см) и украшен узкой полосой вышивки черными нитками, края отделаны полосками ткани, тесьмой, позументом. *Чалма* треугольной формы, из конопляного холста. Шов закрыт тесьмой с рисунком красного цвета, края обшиты кумачом. Задняя часть *чалмы* отделана набором из тесьмы, шелковой ленты, полосы кумача и фабричного кружева, пришитым к кромке холста. С головным убором надевали ожерелье, прижимавшее *сурпан* к шее. Ожерелье изготовлено из темно-синего холста,

на который было нашито два ряда монет. В ГМЭ оно поступило уже без монет и ошибочно было зарегистрировано как *масмак*. В описи П. В. Озерова *сурпан*, *чалма*, *масмак* и ожерелье обозначены как «набор старинного чувашского головного убора». Помимо них, в коллекции был еще один *сурпан*, но к настоящему времени он в собрании РЭМ не выявлен.

Женская рубаха 1920–1930-х годов по покрою от более ранней отличается только деталями: иначе выполнены обшлага рукавов, пришит воротник-стойка, грудной разрез с планкой. Декор же рубахи по сравнению с началом XX в. изменился в корне: отсутствуют нашивки из кумача, вышивка выполнена крестиком красными и черными нитками и только на подоле. Судя по почти полному отсутствию декора — рубаха будничная, рабочая.

Из предметов мужского костюма П. В. Озеров приобрел рубаху, штаны, валяную шляпу. Рубаха туникообразного покроя, грудной разрез расположен справа, сшита из отбеленного холста. Ворот и грудной разрез обшиты кумачом и украшены вышивкой в технике косая стежка и др. Слева от грудного разреза нашит прямоугольный кусок кумача. Обшлага рукавов и подол отделаны кумачом, тесьмой, узким кружевом, сплетенным из красных и белых нитей. Штаны из отбеленной домоткани саржевого переплетения, с разрезами спереди и сзади, на вздержке. Шляпу в фондах музея найти не удалось.

Также П. В. Озеров приобрел три кафтана из домотканого сукна. У наиболее архаичного по покрою кафтана полочки и спинка цельнокроеные, бочки отрезные. Два других кафтана со сборками сзади. У одного из них цельнокроеные только полочки, бочки и спинка отрезные, у другого отрезные все детали. Такие кафтаны могли носить как мужчины, так и женщины.

В д. Тюнзыры П. В. Озеров значительное внимание уделил сбору материала по теме ремесел. Им были приобретены лапти в стадии плетения с колодкой и кочедыком, комплекс предметов для валяльного промысла (колодки для валенок, выкройки, часть необходимых инструментов), приспособления для прядения и перемотки ниток (прялка с куделью, веретено, скально, цевки). Также в коллекции имеются деревянные стремена, ножницы для стрижки овец, кирка, предметы утвари (точеная ступа для соли с пестом, нож, пестерь) и интерьера (табуретка, рама для зеркала).

Помимо Канашского и Цивильского районов, П. В. Озеров посетил столицу республики г. Чебоксары, где приобрел у доцента Чувашского педагогического института Е. З. Захарова набор охотничьих принадлежностей и податные бирки. Место бытования этих предметов в описи не указано.

Лица некоторых людей, у которых П. В. Озеров приобретал вещи, мы можем увидеть на его фотографиях. Это жители д. Яманово ударница Мария Зайцева, колхозник Владимиров, председатель колхоза И. Кузьмин или его тезка агитатор И. Кузьмин, Д. Семёнова. На двух фотографиях семьи Семёновых также запечатлены вещи, хранящиеся ныне в РЭМ — передник на пожилой женщине и полосатые чулки на девочке (МАЭ, № И-1816-31, 50). В д. Тюнзыры, к сожалению, съемка не производилась, либо эта часть коллекции была передана в какое-то другое учреждение. В описи собирателя также не указано, у кого он приобретал предметы в этой деревне.

Несмотря на то что целью экспедиций МН СССР в 1930-е годы был сбор материалов по соцстроительству, «настоящие этнографы использовали любую возможность для сбора этнографических материалов» (Ипполитова 2001: 153). Эта позиция ярко проявляется в вещевой коллекции П. В. Озерова. Новый быт чувашской деревни нашел отражение только в фотоколлекции собирателя, значительное место в которой занимают снимки колхозных объектов, портреты активистов колхоза и т.п. На фотографиях зафиксированы и изменения, происходившие в этот период в costume, — активное проникновение в деревню фабричных тканей и одежды городского типа. Для музея же новые формы одежды собирателем приобретены не были, вероятно, как не имеющие национальной специфики. Действительно, такие предметы, как фабричные платки, обувь, части мужского костюма, в случае необходимости могли быть приобретены и в другом месте. Однако, оценивая коллекцию спустя восемьдесят пять лет, когда найти предметы первой половины XX в. становится все более затруднительным, остается лишь сожалеть, что некоторые из этих вещей

в музей не попали. Без фабричных платков, обуви и других деталей костюма, которые сами по себе не несут никакой национальной окраски, традиционный чувашский костюм 1930-х годов неполон. Между тем женские рубахи, несмотря на применение фабричной ткани и обусловленное им изменение покроя, в целом сохраняли национальные особенности и продолжали развиваться в рамках традиции. Приобретение такой рубахи позволило бы продемонстрировать еще один этап в развитии костюма. Сейчас сложно судить, почему те или иные предметы не вошли в коллекцию. На ее состав и качество, безусловно, должно было оказать влияние и количество средств, выделенных П. В. Озерову на приобретение. В коллекции отсутствуют дорогие предметы, такие как рубахи из фабричной ткани, серебряные украшения, а многие из приобретенных собирателем вещей сильно изношены.

Глубокое проникновение в чувашскую культуру позволило П. В. Озерову собрать коллекцию, достаточно полно отражающую эволюцию основных частей костюма и вариативность предметов одежды, при этом ему удалось избежать дублирования предметов. Для МН СССР коллекция П. В. Озерова — первая систематически собранная коллекция по этнографии средненизовых и низовых чувашей первой трети XX в. Она дополнила поступившие ранее предметы этих этнографических групп чувашей конца XVIII — XIX в. Влившись в значительно более крупное собрание РЭМ, коллекция П. В. Озерова не потеряла своего значения, продолжая оставаться ценным источником для изучения чувашского костюма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 41. Описание экспонатов, приобретенных П. В. Озеровым во время экспедиции в Чувашскую АССР.
- АРЭМ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 2. Лицевые счета на уволенных сотрудников по Музею Народов СССР с буквы Н по Я вкл. за 1935–1937 гг.
- АРЭМ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1. Список личных дел сотрудников Музея народов СССР.
- АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 262. Кашпар Н. Ю. Полевой дневник экспедиции в Чувашскую республику. 2016 г.
- РЭМ. Описание коллекций № 8761, 8762.
- Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р.* Чуваша. Этнографическое исследование. Ч. I. Материальная культура. Чебоксары, 1956.
- Гаген-Торн Н. И.* Этнографические работы в Чувашской республике // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1929. Т. II. С. 174–195.
- Ипполитова А. Б.* История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.
- Лаврентьева Л. С., Салмин А. К.* Коллекции МАЭ РАН: чуваша (опыт каталога) // Коллекции отдела Европы. Выставочные проекты. Каталоги. Исследования. СПб., 2008. С. 109–135. (Сборник МАЭ. Т. LIV).
- Николаев В., Иванов-Орков Г., Иванов В.* Чувашский костюм от древности до современности. М.; Чебоксары; Оренбург, 2002.
- Озеров П. В.* Проблема массового краеведения в Татарстане (по материалам обследования) // Советское краеведение. 1931. № 3. С. 41–44.
- Суслова С. В.* Традиционная одежда молькеевских кряшен // Молькеевские кряшены. Казань, 1993. С. 63–68.
- Яковлева Л. Г.* Описание техники швов чувашской вышивки // Чувашское искусство. Чебоксары, 1975. С. 170–178. (Труды НИИ при Совете министров Чувашской АССР. Вып. 57).

PROKOFII OZEROV'S COLLECTION ON CHUVASH ETHNOGRAPHY AT THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

ABSTRACT. The article aims to introduce an overlooked collection on Chuvash ethnography acquired by the fellow of the Museum of the Peoples of the USSR Prokofii Vasilievich Ozerov during his expedition to the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in 1934. The collection was acquired from the Chuvash of two ethnographic groups—the lowland Chuvash of the village of Yamanovo in Kanash District and mid-lowland ones of Tyunzyry village of Tsivilsky District; two items were also received from Cheboksary. The collection includes men's, women's and children's costumes, women's headdresses and their patterned elements, interior items, household utensils, devices for spinning and rewinding threads, felting tools and other artifacts dating back to the late nineteenth—the first third of the twentieth century. In 1948, after the disbandment of the Museum of the Peoples of the USSR, Ozerov's collection, along with a significant part of other collections of the museum, was transferred to the State Museum of Ethnography (now the Russian Museum of Ethnography). In 2018 the author worked on the identification and attribution of artifacts from this collection. At the moment, 83 out of 91 items have been identified, and for the majority of them the places of manufacture have been determined.

KEY WORDS: P. V. Ozerov, Museum of the Peoples of the USSR, Russian Museum of Ethnography, Chuvash, Chuvash costume

NATALJA J. KASHPAR — researcher, Department of Ethnography of the Volga and Ural Peoples, Russian Museum of Ethnography (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: nkashpar@yandex.ru